

Он вздохнул. Он понимал ее. Понимал. Но он не хотел умирать. Мысль о том, чтобы оставить ее или кого-либо из своих друзей, была тяжела для его сознания. Но он не мог позволить себе никаких иллюзий. Слепая надежда на то, что он выживет, не поможет, не защитит ни его, ни кого-либо еще от реальности. Его шансы были очень малы. Он был ужасно не готов к предстоящим испытаниям - по иронии судьбы, потому что такие люди, как Дамблдор, хотели уберечь его от беды, - и просто не был подготовлен к тому, чтобы выбраться живым. Война, вероятно, так или иначе унесет его жизнь. Когда это произойдет... если это произойдет, он воссоединится с Сириусом и своими родителями; он был уверен в этом. Они ждали его, звали его из-за Завесы. Он слышал своих родителей в ту ночь в Министерстве, он был уверен в этом. Возможно, в этом и заключалась сила Завесы - слышать тех, кто умер рядом с тобой. «Простите. Я не подумала об этом».

Она отпустила его со слезами на глазах. Сглотнув, Гермиона отвернулась, а когда спустя мгновение встретила с ним взглядом, то выглядела решительно. «Ну что ж. Я понимаю, что ты имеешь в виду, даже если мне это не нравится. Сейчас такие жестокие времена... дети пишут завещания. Ах, послушайте, я говорю как моя прабабушка Мод: в следующий раз я буду отпугивать маленьких мальчиков от своей лужайки!» Она беззлобно рассмеялась и села рядом с ним. Ее сумка упала на пол. «Дай мне посмотреть, что у тебя есть. Если тебе придется это сделать, а как бы я ни ненавидела это, скорее всего, придется, то я хотя бы попытаюсь ускорить процесс. Не стоит терять время, верно?»

Он послушно подтолкнул к ней пергамент. Не похоже, чтобы ему было что скрывать.

Странно, подумал он, пока она читала несколько строк, которые он написал. На самом деле у него было не так уж много секретов от нее. На самом деле большинство вещей, о которых он воздерживался говорить ей, были связаны с тем, что он прикрывал других. Она не должна была знать о разговорах в общепите - это не ее дело и не важно. Разговоры парней оставались в общепите. Он полагал, что аналогичный кодекс чести существует и среди девушек, и считал, что лучше не знать девчачьих разговоров.

«Ладно, это не так плохо, как могло бы быть», - проговорила Гермиона, все еще глядя на пергамент с приподнятой бровью. «Я выхожу из положения относительно неплохо, понимаешь?»

«Ты получишь мои книги, Рон - метлу. Ни один из вас не обрадуется подарку другого», - защищался Гарри. Это была правда: Рон не любил читать, а Гермиона не любила летать.

«Правда. А вот отдать карту близнецам - это хорошо, хотя я бы посоветовала тебе не писать об этом в письменном виде», - она бросила на него пристальный взгляд. «Лучше оставить как можно меньше подсказок о ее существовании. Наверное, будет лучше не объявлять о ее существовании всему миру, особенно если вы поручите это двум известным озорникам».

Гарри хихикнул. «Хорошая мысль».

Гермиона кивнула. «Но плащ? Правда?»

«Ну, он очень хорошо дополняет карту. И то, и другое - инструменты для ловкачей, и они могут получить от этого удовольствие. И я знаю, что Фред и Джордж не станут злоупотреблять ею. Больше, чем мы. Регулярно, значит. Эх, пусть об этом беспокоятся другие».

«Хорошо, я дам тебе это. Значит, они тоже получают плащ». Она прикусила губу. Гарри понял, что ее что-то беспокоит. «Просто... Гарри, я понимаю тебя, правда. Но... ну... Уизли... близнецы... Рон... Невилл... я...»

«Я также оставляю кое-что Муди и Тонкс. Люпину и МакГонагалл тоже», - напомнил он ей, постукивая пальцем по пергаменту.

«Да, да, - ответила Гермиона, закатывая глаза, - хотя это и странно, Гарри. Но, в общем, ты отдаешь все нам, немногим».

Гарри усмехнулся. «Я не собирался устраивать похороны викинга; конечно, я отдаю все. А чего ты ожидал? Что мне что-то положат рядом? Что в этом хорошего?»

Она на мгновение уставилась на него. «Это выглядит так, будто вы вообще не планируете будущее, будто вы ограничиваете себя теми, кого уже знаете. Как я понимаю, вы не оставили ни одного кнута для своей семьи».

«Э-э, я все оставляю своей семье. Уизли, Невиллу, Полумне, Тонкс, Люпину, МакГонагалл... даже Муди. Моей семье», - хмуро ответил Гарри, не понимая, к чему она клонит. Разве он не достаточно ясно выразил свои намерения?

Гермиона подняла бровь. «Муди? Ты считаешь...» Она, казалось, задумалась и покачала головой. «Неважно. Я имела в виду... жену и детей, собаку или кошку, сову и гномов в саду. Твоя будущая семья, понимаешь? Люди, о которых ты будешь заботиться в будущем».

Гарри потребовалось мгновение, чтобы преодолеть недоумение. «Жена? Дети? Гермиона, ты что-то хочешь мне сказать?»

Она разочарованно вскинула руки. «Аргх, ты знаешь, о чем я! Тебе шестнадцать, ты достаточно обеспечен, неплохо убираешься...»

«... Повторяю, Гермиона, ты ничего не хочешь мне сказать?» Гарри спросил, хотя догадывался, о чем она говорит. Действительно, он не позаботился о собственной семье, но и не собирался заводить её в ближайшее время. В конце концов, у него была война.

Она ущипнула себя за переносицу. «Скажем, через десять лет у тебя может появиться своя семья. Именно это я и пытаюсь тебе сказать, а ты ничего не предусмотрел на этот случай».

Гарри покачал головой. «Ну, до этого еще далеко, не так ли? И если это произойдет, я всегда смогу составить новое завещание, не так ли?»

Гермиона встала и начала вышагивать. Гарри знал, что это не очень хороший знак, но на самом деле это было неважно. Он знал, что в будущем в его завещании, скорее всего, не потребуется указывать ни жену, ни детей, ни домашних животных, ничего. Раз уж это не имеет значения, он мог бы уступить, если бы это действительно так сильно ее беспокоило. Если Гермиона захочет, она сможет оставить что-то для жены и детей.

Странная мысль.

«Ну, если тебя это так беспокоит... хорошо. Жена и дети получают все, если таковые появятся?» Он знал, что это существенное изменение в письменном виде, но на практике оно ничего не изменит. Если бы не было ни жены, ни детей, его первоначальный план остался бы в силе.

«Намного лучше», - ответила она, улыбаясь. «Теперь давайте поработаем над формулировкой... Видите, здесь все довольно двусмысленно, было бы лучше, если бы...»

Дафне повезло, что Пэнси запланировала прогулку так вовремя. Правда, Пэнси нужны были новые мантии, чтобы соответствовать ее новому образу, и для этого ей, естественно, требовалось мнение подруг. Паркинсоны, должно быть, дорого заплатили за то, чтобы ее дочь так тщательно поработала над собой. Дафна должна была признать, что выглядела она неплохо. Видимо, несколько дней на солнце сотворили с девушкой чудеса, а так как Пэнси и ее родители все еще пытались привлечь внимание Малфоев, они спустили все на тормозах. Дафна пожелала им удачи, и не только потому, что это могло дать Малфоям повод расторгнуть контракт.

Именно по этой причине Пэнси и организовала эту вылазку - чтобы найти что-то, что привлечет внимание Драко в следующем учебном году. Трейси была в восторге: она обожала ходить по магазинам, а поскольку это было совмещено с приглашением на обед - идеальная возможность посплетничать, - то идея пришлась ей по вкусу.

Дафна, конечно, была счастлива выбраться из дома, и не только потому, что это вполне соответствовало ее планам. Ей удалось сделать вид, будто за последние несколько дней ничего не произошло, будто ее письмо было именно таким, как она ожидала. Прежде чем опустить руки, ей нужен был план. Хороший план. Ей нужно было подтвердить, кем, по ее мнению, является этот таинственный кандидат. Именно поэтому она попросила Миллисент проверить, не появился ли неожиданный потомок Блэков. Поскольку двоюродная бабушка Миллисент Виолетта вышла замуж за Блэка, Миллисент могла иметь доступ к дополнительной информации, к секретам, которые обычно хранились в семье. Может быть, сын какого-нибудь сквиба? Это было возможно, по крайней мере, если покойный Сириус Блэк каким-то образом признал родство этого ребенка с домом.

Поэтому, когда Пэнси передала приглашение, Дафна с радостью согласилась. Это означало день вдали от родителей и адского отродья; ни те, ни другие не задавали вопросов, от которых

Дафна не могла отмахнуться, но оставаться рядом с ними все равно было рискованно. Кроме того, это был хороший повод встретиться с друзьями и возможность поговорить с Миллисент, не вызывая подозрений. По мнению Дафны, оставить как можно меньше письменных сведений о своих расспросах было вполне разумным решением.

Неохотно ли Миллисент присоединилась к ним или нет, Дафна сказать не могла. Она знала, что миссис Булстроуд была очень зла после прошлого учебного года - Миллисент присоединилась к Инквизиторскому отряду профессора Амбридж и выполняла грязную работу с достаточной страстью, чтобы ученики заметили, что она работает против их интересов, но ничем не выделялась, и в результате Миллисент не получила от Министерства никаких преимуществ или признания, зато получила много внимания со стороны учеников. С окончанием влияния профессора Амбридж в Хогвартсе Миллисент пришлось терпеть насмешки и последствия своих действий, не получая от этого никаких преимуществ. Раньше она была грузной девушкой, которой никто не рисковал бросать вызов, потому что она была слишком неважной, чтобы рисковать возмездием. Некоторые даже подозревали тролльское происхождение, но не решались спросить об этом Миллисент. После отряда инквизиции люди затаили на нее злобу. Миллисент утратила часть своего устрашающего потенциала, и все из-за участия в Отряде. Что толку предавать равных, если от этого ничего не выигрываешь? Мать Миллисент считала это неподобающим для Слизерина. Миллисент указала на наказание, но воздержалась от объяснений.

<http://tl.rulate.ru/book/109360/4078261>